Воинам и хлеборобам,
стражам рубежей российских,
кубанскому казачеству
и памяти Федора Андреевича Щербины
посвящается.

ВВЕДЕНИЕ

Жизнедеятельность каждого человека и любого общества на всем протяжении их существования дискретна и циклична. «Трудовые будни» чередуются с отдыхом и сменяются праздично-обрядовым временем. Несмотря на очевидную количественную диспропорцию между утилитарно-прагматической деятельностью, отдыхом и ритуально-обрядовой практикой, по крайней мере в современных обществах, обряды и ритуалы* столь же значимы для социума, этноса, как и производство средств существования (пищи, одежды, орудий труда, техники и т.п.). Более того, многие из них прямо или косвенно связаны и с производственной деятельностью, и с отдыхом.

А.К.Байбурин, обобщая и развивая идеи антропологов, этнографов, социологов, занимавшихся изучением сути этого явления, выделил четыре основных функции ритуала/обряда.

Функция социализации: подготовка индивида, группы, через воспитание определенных качеств и передача знаний, необходимых к жизни в обществе.

Интегрирующая (объединительная) функция, благодаря которой регулярно обновляются социокультурные связи в обществе, осознается взаимозависимость членов общества и формируется чувство единства, солидарности, общности. С помощью обряда консолидация осуществляется одновременно на двух уровнях: по горизонтали, между современниками, ныне живущими; и по вертикали, потомки-предки, прошлое-настоящее.

Функция воспроизводства социокультурного опыта (традиций, знаний, системы ценностей).

Психо-терапевтическая функция. Устойчивость, ритмичность, сменяемость ритмов жизнедеятельности, восстановление и обновление солидарности, традиций, системы ценностей, причастности индивида, группы к этому процессу через участие и сопере-

* Не вдаваясь в дискуссию о соотношении понятий обряд и ритуал, отметим, что в данной работе им придается родо-видовое различие (ритуал – составная часть и разновидность обряда).

живание порождали чувства стабильности, уверенности в будущем, целесообразности жизни, нужности индивида и, в конечном итоге, формировали атмосферу комфорта (1).

Эти и другие функции присущи всем трем типам обрядов: *окказиональным* (связанным с незапрограммированными событиями: болезнь, война, засуха и т.п.), *жизненного круга/цикла* (связанным с рождением, браком, смертью и т.д.), и *календарного круга/цикла* (годовые праздники и обряды: Рождество, Новый год и т.д.). Однако календарная обрядность занимает особое место в этой системе. Именно она, в большей степени чем другие, выполняет функцию интеграции общества и воспроизводства социокультурного опыта.

Во-первых, основные ритуалы главных годовых обрядов и праздников являются всеобщими и общественно, а не индивидуально, значимыми: в них, в идеале, в том или ином качестве принимают участие все поло-возрастные группы (дети-взрослые, мужчины-женщины), они проводятся публично и предназначены для общества в целом. Во-вторых, они связаны с фундаментальными проблемами, к числу которых относится гармонизация отношений между индивидом (семьей), обществом и природой; индивидом, обществом и Творцом. В конечном итоге они, в первую очередь, направлены на воспроизводство духовных, а затем уже материальных ценностей. В них наиболее полно проявляется модель мира, его видение, ее реальная и идеальная проекции: какие есть и какими должны быть человек, общество, жизнь.

Помимо этого, главные календарные обряды представляют собой сложные знаково-символические «тексты», в которых используются самые разнообразные выразительные средства (слово, действие, цвет, число, музыка, предметные символы и т.д.), и, как следствие, различные художественные тексты (песня, танец, театрализованные действия и т.п.) (2). С художественной стороной обряда связана еще одна его функция - эстетическая. По сути, календарные праздники и обряды, наряду с обрядами жизненного круга и легендарно-мифологической, (исторической) компонентой, и составляют опорные структурные единицы любой традиционной культуры.

В этом видится теоретическое и практическое, научное и прикладное значение этого блока традиционной культуры.

Традиционная культура подавляющего большинства этносов не является унифицированной на всем пространстве, занимаемом народом. Обитание в различных природно-климатических условиях, разнообразие хозяйственной деятельности, миграции и контакты с другими народами и культурами, способствуют формированию культурных диалектов, региональных особенностей, которые в различной степени проявляются во всех блоках культуры, в т.ч. в календарных праздниках и обрядах. В результате действия этих причин и процессов в культуре этноса образуются региональные особенности.

К числу локальных традиций относится культура кубанского казачества и, шире, восточнославянского населения Кубани (3).

Кубанское казачество, несмотря на обширную досоветскую, советскую и постсоветскую историографию, остается одной из слабо изученных в этнографическом отношении этнических общностей. Меньше всего исследована его традиционно-бытовая культура и особенно одна из ее наиболее важных в научном и практическом отношении подсистем - календарные праздники и обряды.

Работы, вышедшие в советский период, в основном, посвящены истории заселения (4), достаточно беглой характеристике культуры и этнокультурной ситуации в целом (5), или отдельным аспектам духовной культуры. Ряд работ в силу чрезмерной идеологизированности во многом утратил свое значение.

Особого внимания заслуживает коллективная монография «Кубанские станицы», изданная в 1967г. (6). Это первое и единственное за советский период исследование, в котором предпринята попытка выявить основные этнические и культурно-бытовые процессы в среде славянского населения Кубани, дать его комплексное описание. Не останавливаясь на подробном анализе положительных и отрицательных сторон этой работы, отметим, что в подходе к объекту и предмету изучения, оценке ряда явлений из области социальной и культурной жизни дореволюционной и советской Кубани также отразились тенденции, характерные для того времени. С основательной проработкой таких вопросов, как история заселения, материальная культура, занятия населения, говоры, резко контрастируют материалы по традиционной духовной культуре казачества, а тема о традиционных праздниках и обрядах даже не выделена в самостоятельный подраздел, их описание не носит системного характера и занимает всего несколько страничек.

Календарные праздники и обряды нашли отражение в трудах и других авторов советского и постсоветского периодов. В целом эти работы разнородны по целям, задачам и характеру.

Одни из них посвящены отдельным праздникам: (*Н.И.Кирей, Н.И.Бондарь*, «Праздник Нового года») (7). В других дается описание значительных отрезков календаря, но на материале незначительной и искусственно ограниченной территориальной группы кубанского казачества: (*Н.А.Павличенко*, «Региональные особенности проведения Великого поста на территории Верхней Кубани») (8).

В третьих, в силу очеркового характера работ, содержится самый общий обзор «календаря» кубанских казаков (9).

Особую группу составляют сборники музыкального фольклора, авторских и народных песен, в которых представлены и отдельные календарные «тексты». В данном случае речь идет прежде всего об оригинальных публикациях и переизданиях, подготовленных *В.Г.Захарченко*: «Пост Кубанский казачий хор» (10), «Песни станицы Кавказской» (11); переизданиях сборников, составленных *А.Д.Бигдаем* (12) и *Г.М.Концевичем* (13) и др.

Особого внимания заслуживает ряд публикаций *М.Ф.Куракеевой*, в т.ч. монография «Верхнекубанские казаки: быт, культура, традиции», в которой, наряду с общественными отношениями, хозяйственным бытом и свадебной обрядностью, в специальной главе дается описание основных праздников и обрядов годового круга (14).

Пытаясь доказать, что славянское население верховьев Кубани представляет собой этнографическую группу кубанского казачества, что не бесспорно, по крайней мере на данном этапе исследований, автор привлекает для этого и календарно-обрядовую культуру. Помимо этого работа подготовлена на основе недостаточно полных полевых материалах автора, требующих осторожного и критического подхода со стороны других исследователей. Некоторые принципиально важные этнографические факты, содержащиеся в работах М.Ф.Куракеевой, не подтверждаются или даже опровергаются нашими полевыми материалами (15).

Наиболее заметный вклад в разработку этой темы внесли сотрудники Научно-исследовательского центра традиционной культуры, (ранее отдел фольклора и этнографии Центра народной культуры Кубани) Государственного научно-творческого учреждения «Кубанский казачий хор».

Цели, которые ставили перед собой авторы этих исследований, предмет анализа - различны. Как следствие эти публикации отличаются друг от друга по характеру, содержанию и полноте охвата «календаря».

В некоторых работах дается его формализованная характеристика как составной части такого системного явления, как традиционная культура кубанского казачества (*Н.И.Бондарь* «Модель традиционной культуры кубанского казачества») (16).

С.А.Жиганова, занимаясь изучением музыкального фольклора, обращалась к этой теме в связи с анализом детской песенной традиции на Кубани (17), песенного творчества жителей отдельно взятой станицы (18). Отдельная ее работа посвящена весенним хороводам Закубанья (19).

В статьях *В.В.Воронина* прежде всего представлена такая компонента календарных праздников и обрядов, как запреты: «Календарные запреты в устной народной прозе восточнославянского населения Кубани» (20).

М.В.Семенцов касался «календаря» в связи с проблемой народных медицинских знаний (21), а С.Ю.Хачатрян - в связи с традиционными представлениями о пространстве и ритуалами его освоения (22).

Ряд работ посвящен не только описанию отдельных обрядов, но и интерпретации их символики: *Г.В.Румянцевой* - троицкому обряду «вождения камаря» (23), *А.Н.Мануйлова* - святочному обряду «хождения с Сидором» (24), *С.Н.Рыбко* - кубанской традиции проведения престольных праздников (25), *И.А.Кузнецовой* - празднику Свиридона (26).

В наших исследованиях мы обращались к календарным праздникам и обрядам в контексте теоретических вопросов развития этноса, формирования локальной восточнославянской кубанской традиции (27), в связи с мифологическими аспектами традиционной культуры (28) и некоторыми семантическими аспектами культуры (концептом первого, начального) (29). Несколько работ посвящено отдельным обрядам: троицким - обряду кумления (30), «крещение и похороны кукушки» (31), купальскому - «потопление Марыны» (32). А также отдельным компонентам календарной обрядности: святочным ряжениям (33), традиционным гаданиям (34).

М.А.Дикарев еще в XIX веке поднимал вопрос об изучении и издании календарных праздников и обрядов Кубани. В свое время практически приступил к реализации этой идеи в рамках более широкого проекта, тематически охватывавшего историю и культуру кубанского казачества, *Ф.А.Щербина*. Разработанная им исследовательская программа и случайно дошедшие до наших дней фрагменты материалов позволяют утверждать, что этому блоку культуры придавалось особое значение. Однако события 1917 года нарушили эти планы, и третий том его исследования так и не вышел в свет. Таким образом, несмотря на достаточно большое количество публикаций по данной теме и подготовленную нами в свое время диссертацию (35), обобщающей работы по календарным праздникам и обрядам кубанского казачества не существует.

Данная работа, к сожалению, так же не является исчерпывающей. Ряд причин, прежде всего объем, заставили существенно сократить аналитическую часть исследования, оставив в стороне такие вопросы, как варианты, типы обрядов и ритуалов, семантика и специфика обрядовой культуры кубанского казачества.

Эта же причина не позволила максимально полно использовать фольклорные тексты, вынудила исключить описание целого ряда «второстепенных» праздников и обрядов. Цель, таким образом, оказалась достаточно скромной - показать основные циклы праздников и обрядов годового круга и ввести в научный и практический оборот новый фактологический фольклорно-этнографический материал.

Для подготовки работы был привлечен широкий круг источников и, прежде всего, архивные документы, дореволюционные публикации, в том числе в периодической печати, полевые материалы фольклорно-этнографических экспедиций. В качестве дополнительного источника в ряде случаев использовался фольклор.

Архивные источники содержат богатый материал по заселению Кубани, социальной и экономической истории казачества. В фондах органов гражданского и военного управления краем, хранящихся в Государственном архиве Краснодарского края (*ф.250* - Войсковая канцелярия Черноморского казачьего войска. 1794-1842 гг.; *ф.252* - войс-

ковое правление Черноморского (Кубанского) казачьего войска. 1842-1888 гг.; *ф.396* - Войсковой штаб Кубанского казачьего войска. 1860-1917 гг.; *ф.318* - казачье отделение штаба Кавказского военного округа. 1820-1917гг.; *ф.162* - Пашковского станичного правления. 1822-1898 гг. и др.), отложились документы об основании станиц, о переселении в Черноморию жителей Полтавской и Черниговской губерний, в том числе посемейные списки переселенцев, о зачислении в казаки солдат и иногородних и освоении территории Закубанья, исторические справки о полках казачьего войска, документы об управлении в войске и станицах, о землепользовании станичной общины и экономическом состоянии казачества, приговоры станичных сборов и решения станичных судов и т.д.

Однако наиболее ценная этнографическая информация содержится в фондах Кубанской областной чертежной / межевой комиссии (*ф.574*, 1847-1917 гг.), Кубанского областного статкомитета (*ф.460*, 1870-1917 гг.), в коллекции документов по истории Кубанского казачьего войска (*ф.670*, 1879-1915 гг.) и др. Так, в делах межевой комиссии сохранились описания станиц, составленные в середине прошлого столетия на основе военно-статистической программы, предусматривавшей в числе прочих и вопросы по верованиям и быту. И хотя чаще всего исполнители - священники станичных церквей - ограничивались лаконичными ответами, «что жители вероваия правильного, нравственности хорошей, обычая простого» (14,д.257,лл.515-519), имеются и оригинальные описания, содержащие сведения о Троице, Иване Купале и т.д. К сожалению, составители описаний обычно ограничивались одним или несколькими праздниками, по своему усмотрению.

В фондах полицейских властей Темрюкского уезда (*ф.655, 722* за 1870-1888гг) сохранились описания станиц, составленные по программе Е.Д.Фелицина, разработанной в 1878-1879гг. Эти описания насыщены этнографическим материалом, относящимся к суевериям, демонологии, магии, и, фрагментарно, календарным праздникам и обрядам.

В коллекции документов по истории Кубанского казачьего войска (*ф.670*), собранной П.П.Короленко, А.Д.Ламоновым, Е.Д.Фелицыным, имеется ряд описаний, составленных в начале XX в. по комплексной программе, разработанной Ф.А.Щербиной для сбора материала к 3-му тому «Истории Кубанского казачьего войска»*, посвященному духовной культуре казачества. К сожалению, ценность этих описаний снижается тем, что их авторы произвольно останавливались на наиболее интересных для них моментах, а календарь отражен слабо. Поэтому, на наш взгляд, весьма содержательнее в этнографическом отношении воспоминания самого Ф.А.Щербины о его детстве и юнос-

* 3-й том «Истории Кубанского казачьего войска» не был опубликован, рукопись и основные материалы к нему не сохранились.

ти, прошедших в ст.Новодеревянковской. Эти воспоминания сохранились в личном фонде Ф.А.Щербины (1849-1934гг., *ф.764*). Особенно подробно в них описан рождественско-крещенский период календаря.

Важное значение для истории этнографических исследований на Кубани имеют материалы фонда Кубанского областного статистического комитета (*ф.460*), связанные с деятельностью талантливого организатора и ученого *Е.Д.Фелицина*. Именно благодаря разработке Е.Д.Фелицина, тесно сотрудничавшего с Кавказским отделением ИРГО, типовая статистико-экономическая программа для обследования населенных пунктов обрела характер статистико-этнографической (36). Причем этнографическая часть этой программы была комплексной, т.е. охватывала вопросы материальной культуры (одежда, жилище, утварь), духовной культуры (танцы, песни, обряды) и даже этнопсихологии. Очень важно, что программа дополнялась кратким очерком по методике сбора фольклорно-этнографического материала и имела разъяснение о значении подобной работы.

Однако следует иметь в виду, что роль исследователей первоначально была возложена на лиц, совершенно неподготовленных к этой работе - станичных атаманов, полковых офицеров и т.п. Это пагубно сказалось на качестве и научной достоверности получаемого материала. Начальник Баталпашинского уезда Кубанской области, получив программу для рассылки по станицам, в своем рапорте откровенно признавал, что «...ни один из атаманов вверенного уезда выполнить (программу - *Н.Б.*) ни в коем случае не может», так как «некоторые требования программы относятся до таких предметов, о которых человек, только знающий грамоту и ничего не читавший, кроме канцелярской переписки, не только ничего не напишет, но даже и не разберет, что от него требуют...» (37). В итоге многие из описаний оказались «весьма неудовлетворительными», были случаи, когда атаманы соседних станиц дословно списывали друг у друга ответы на вопросы программы. Это вынудило Статкомитет обратиться за помощью к учителям и священникам, что вскоре дало положительные результаты. На основе программы Е.Д.Фелицина появились достаточно квалифицированные статистические и статистико-этнографические описания некоторых населенных пунктов Кубани, опубликованные местными и региональными комитетами и обществами.

В большинстве изданных описаний представлены основательные исторические и статистико-экономические данные. Разделы программы по духовной культуре освещались более скупо, а нередко авторами игнорировались. Исключение составляют работы В.Арканникова по ст.Николаевской (38), Д.Шахова по ст.Воронежской (39), П.Близнюкова по ст.Бесленеевской (40), Д.Иванова по ст.Отрадной и некоторые другие (41). Однако и в них различные аспекты духовной жизни отражены не столь детально. Одни авторы, например, Д.Иванов, давая подробное описание обрядов жизненного цикла, ограничивались лишь упоминанием основных праздников. Другие, подробно

рассматривая тот или иной праздник или обряд, игнорировали обрядовые тексты, ограничиваясь общим замечанием, что в эти моменты исполнялись «специальные песни» (П.Близнюков). Е.Передельский, тщательно записывая тексты песен в ст. Темижбекской (42), опустил целый ряд важных компонентов в описании самих праздников - зимних святок, Троицы и т.д. Не нашли отражения в этих работах и те этнокультурные процессы в станицах, которые, судя по другим источникам, в данный период развивались весьма интенсивно. Лишь Е.Передельский приводит две песни как образец «нового фольклора».

Ценный фольклорно-этнографический материал содержится также в работах Т.Стефанова по г.Ейску (43), М.Харламова по Ейску и Майкопу (44), П.Горбанева по Ейску (45), посвященных в основном неказачьему населению Кубани.

Некоторые дореволюционные исследователи занимались вопросами истории, фольклора и этнографии Кубани по своим программам. Наиболее заметной фигурой среди них являлся *М.Дикарев* (М.Крамаренко). В отличие от многих других авторов, он хорошо понимал значение изучения календарных праздников и обрядов казачества. «К стыду интеллигентов Кубанской области следует сказать, - писал он в 1895 году, приступая обратиться к изучению этой темы, - что в печати не имеется еще полного черноморского народного календаря...» (46). Основная работа М.Дикарева по календарю - «Рождвяни святки в станице Павловской Ейского уезда в Черномории» (47) - выполнена на высоком профессиональном уровне. В ней дано не только детальнейшее описание рождественско-крещенского периода календаря, но и показаны компонентные изменения в его составе.

В большинстве газетных публикаций, помещенных в местной периодике (газеты «Кубанские областные ведомости» - изд. с 1863г., «Кубанский курьер» - изд. с 1908г., «Кубанский край» - изд. с 1909г. и др.), информация по интересующей нас теме носит случайный характер и обыкновенно сопутствует описанию «суеверий и предрассудков» в небольших корреспонденциях с мест. Некоторые из авторов газеты проявляли постоянный интерес к народному быту, им удавалось в своих заметках запечатлеть интересные детали. Например, учитель из ст.Родниковской Л.К.Розенберг отмечал использование «страстной свечи» во время грозы (48), автор из ст.Березанской сообщал о магическом способе избавления от грызунов на Пасху (49) и т.д. Ценность этих материалов заключается в том, что в них зафиксированы как раз те элементы, которые наиболее устойчиво бытовали на семейно-индивидуальном уровне и чаще всего пропускались в специальных описаниях праздников и обрядов как малозначащие.

Многие выявленные газетные публикации по своему содержанию и уровню отвечают научным требованиям, например, статьи П.П.Короленко с описанием хороводов и текстами некоторых веснянок (50),

М.Дикарева «Великдень на Украине и Черномории», с описанием Пасхи в украинских селениях Воронежской губернии и кубанских станицах Азовской и Старощербиновской (51). К сожалению, в этой статье М.Дикарева этнографический материал изложен не в плане сравнения кубанской традиции с воронежской, а по принципу дополнения.

Ценные сведения для сравнительного анализа содержаться в статьях М.Пахомова «Риздвяни святки в Черномории» (52) и И.Г.Иванова «Рождественские святки на Линии» (53), в которых не только отражены основные этапы праздников, но и приводятся тексты колядок, посевanок, приглашения Мороза и т.п. Отзыв Д.Кокунько на статью М.Пахомова (54) позволяет выявить вариативность отдельных элементов святок в пределах Черномории.

Следует заметить, что на характер и интенсивность этнографических публикаций в местной периодике положительно повлияла просветительская деятельность созданного в 1897 г. Общества любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО) (55).

Стиль и характер описаний народных праздников и обрядов в советской печати 1920-1930-х годов резко меняется. Публикациям, помещенным в этот период в окружной газете «Красное Знамя», присущ иронический, а порой и циничный тон, предпочтительное описание «негативных сторон» и заведомо отрицательная оценка. Примером может служить корреспонденция о праздновании Масленицы в Краснодаре в 1928 году (56). Однако и в этих материалах содержится информация о различных компонентах праздника, и они представляют немалый интерес. К сожалению, количество газетных публикаций по этнографической тематике в эти годы значительно снижается, что связано с проводившейся на Кубани политикой «расказачивания».

Основными источниками при подготовке нашей работы стали фольклорно-этнографические материалы, собранные в ходе полевых исследований 1975 по 2003 гг. Они велись как в форме индивидуальных, так и широкомасштабных экспедиций (I Кубанская интернациональная фольклорно-этнографическая экспедиция, Кубанская фольклорно-этнографическая экспедиция). Эти исследования являются частью долговременной программы по сплошному обследованию Кубани. Основным объектом изучения является традиционная духовная культура славянского населения и малых этнических групп, проживающих в Краснодарском крае. Центральное место в разработанных вопросниках отведено окказиональным и календарным праздникам, обрядам и ритуалам. К настоящему времени полностью или частично обследовано более 250 населенных пунктов Краснодарского края, Адыгеи, Карачаево-Черкессии, Ставропольского края, относившихся к Кубанскому казачьему войску или входивших в состав Кубанской области. Основные методы, применяемые в наших полевых исследованиях, - интервьюирование и наблюдение. Для более полного представления об обрядах, находящихся в пассивном бытовании, использовался экспе-

римент. Способы фиксации - автоматический (магнитофонные записи), механический (дневниковые записи), фото- и видеофиксация. В экспедиции 1987г., проводившейся совместно с кафедрой этнографии и антропологии ЛГУ, опробован разработанный нами метод экспресс-анализа, позволяющий более целенаправленно и углубленно вести исследовательскую работу и проводить предварительный анализ материалов в полевых условиях. Наряду с собственными вопросниками и анкетами в «поле» применяется и инструментарий Полесской этно-лингвистической экспедиции Института славяноведения Российской Академии наук (Н.И.Толстой, С.М.Толстая).

Полевые материалы (фонограммы, рукописные расшифровки, фото- и видеоматериалы) хранятся в архиве Научно-исследовательского центра традиционной культуры Государственного научно-творческого учреждения «Кубанский казачий хор».

Основное исследовательское ядро экспедиций, в т.ч. Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции (КФЭЭ), чьими усилиями и собран уникальный полевой материал, составляют научные сотрудники НИЦ ТК ГНТУ «Кубанский казачий хор» (ранее - отдел фольклора и этнографии Центра народной культуры Кубани): Н.И.Бондарь - научный руководитель КФЭЭ, (в 1987 г. научное руководство 1 Кубанской интернациональной фольклорно-этнографической экспедиции осуществлял профессор, в то время заведующий кафедрой этнографии и антропологии Ленинградского государственного университета, директор Ленинградского отделения института этнографии и антропологии АН СССР - Р.Ф.Итс), М.В.Семенцов - в течение нескольких лет начальник фольклорно-этнографических экспедиций, В.В.Воронин - начальник КФЭЭ, старшие научные и научные сотрудники: С.А.Жиганова - музыковед-фольклорист, О.В.Матвеев, Т.М.Волкострел, С.Ю.-Хачатрян (Капышкина), И.А.Кузнецова (Бабенко), И.А.Воронина (Козык), С.Н.Рыбко, А.И.Зудин, А.И.Кобезский.

В разное время в работе Научно-исследовательского центра и Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции принимали участие: В.И.Билаш, П.К.Скирда, И.Г.Раевская (Жеребцева), В.Ю.Реммлер (Кременская), М.В.Савва, Е.В.Савва (Моряхина), О.В.Гончаров, Н.В.Богатырь, Г.П.Олейникова (Ушакова), Г.В.Румянцева, Е.И.Зелинская (Чуб), О.Л.Мазур, О.М.Миланчик (Сергеева), Н.Н.Погорелов, О.Н.Волкова (Фоменко), Л.В.Бобкова, И.Г.Гаврилова, С.А.-Векшина, В.Д.Фролков, Н.А.Корсакова, С.В. Шептун.

На базе экспедиции проходили так же полевую практику студенты Кубанского государственного университета, Краснодарского государственного университета культуры и искусств и студенты-этнографы из Социалистической Республики Вьетнам, Китайской Народной Республики, Кубы, Испании, Эфиопии, Гвинеи Бисау.